

5-й и 6-й съезды ВСАСД: можно ли их решения считать ошибочными?

С 16 по 22 августа 1924 года в городе Москва в 3-м доме Советов собрался Пятый юбилейный съезд Всесоюзного союза адвентистов седьмого дня. Юбилейным он был потому, что в это время Церкви АСД в Советском союзе исполнялось 40 лет. В начале съезда, после молитв, на трибуну поднялся Генрих Иоанович Лебсак. С небольшим, характерным для него, немецким акцентом, он трепетно прочитал вступительные слова для своей проповеди из книги 1 Царств 7:12: “И взял Самуил один камень, и поставил между Массифою и между Сеном, и назвал его Авен-Езер, сказав: до сего места помог нам Господь” и затем, словно желая передать чувства собравшихся делегатов, он прочитал ещё один текст из книги 1 Царств 2:4-10: “...немощные препоясываются силою; ...Господь умерщвляет и оживляет, низводит в преисподнюю и возводит”. Второй зачитанный из Библии стих в последующем будет значимым для каждого из присутствующих. Кому то нужно будет облечься силою, чтобы пережить жестокое время, а другим эта сила нужна будет для того, что бы спуститься в долину смертной тени.

Следом за Лебсаком приветственные речи говорили ещё тринадцать человек. Каждый из них благодарил Господа за чудную охрану, за дарованную свободу и за разрешение на созыв съезда. Присутствующие в доме Советов делегаты, вдохновлённые выступлениями тринадцати братьев, принимают решение послать правительству благодарственную телеграмму за разрешение на проведение этого мероприятия: “Всесоюзный съезд Адвентистов Седьмого Дня искренно благодарит правительство СССР за дарованную Конституцией Свободу совести и разрешение на проведение настоящего съезда для устройства своей общинной жизни по законам СССР” (1).

Что происходило с адвентистской церковью в это время? О чём думали и о чём переживали делегаты 5-го а затем и 6-го съездов ВСАСД? Почему принимались именно такие решения, которые до сих пор оказывают влияния на современные церковные отношения? Нужно ли считать эти решения абсолютно ошибочными? Нужно ли за них просить прощение? Для того, что бы дать ответы на эти вопросы, сначала необходимо увидеть и почувствовать обстановку и те переживания, в которых жили наши братья в то время.

Советская власть в борьбе с религией

Заканчивался 1919 год. Послевоенная разруха. Остатки армии Врангеля покидают Крым. Красная армия ведёт борьбу с бандами махновцев, которые до этого помогали ей бороться против Врангеля. Жизнь на местах стабилизируется, уставшие от войны люди начали возвращаться в свои дома. Как бы испытывая реакцию народа, проходит первая волна репрессий. Сначала забирают бывших белогвардейцев, затем деникинцев, следующими будут эсеры.

В 1919 году ведётся сбор информации. Сельские секретари отчитываются о количестве церквей в данной местности, переписывается церковное имущество. В переписи церковного имущества записывается каждая мелочь: количество шкафов, количество полочек в этих шкафах, количество стёкол в окнах, а так же различные предметы, предназначенные для служения. Верующие люди охотно соглашались на составление подобных документов, не догадываясь о том, что все эти ведомости и списки пригодятся для последующей, полной конфискации имущества церквей.

Проводится перерегистрация церковных общин. В посёлках и сёлах в поддержку регистрации церквей записывается множество людей. В списках на регистрацию насчитывается по 800-1000 человек. Характерным для Кировоградской области является наличие довольно большого количества старообрядческих церквей и еврейских общин. Проводится анкетирование священнослужителей. Уже через два, три года будет положено начало репрессиям интеллигенции. Согласно заполненным анкетам, по указанным в

них адресам, обычно в тёмное время суток, будут подъезжать “воронки”. Сначала арестуют священников, затем возьмутся за активных членов церкви.

“Бобрынецкий райик сообщает: Заседанию президиума предложено Предсельсовету Катериновки выселить священника из национализированного дома на следующих основаниях:

1. Крайняя нужда сельсовета в помещении, так как дальше чуть ли не в сарае Сельсовету не представляется возможным находиться.

2. На основании слов Леоненко на 9 Райсъезде о праве выселять из национализированных помещений и уплотнять кулаков.

3. Руководствуясь ст.155 Гражданского Кодекса.

4. Что же касается санкции протокольного постановления, то таковой ожидать было не в моготу, особенно же надо было использовать чудную погоду как для выселения, так и для переселения.

ЗамПредрайсполкома...

Секретарь...

(Грамматика и стилистика автора документа сохранены)

Одним из аргументов в сообщении районного исполнительного комитета является “чудная погода для выселения”.

Сегодня можно представить, что это была за погода, если обратим внимание на дату документа: “1923 год, 28 ноября”.

Но самой важной причиной, почему массово выселялись служители церкви из своих домов, была не чудная погода и не нужда сельсоветов в помещениях, а Декрет ВЦИК от 23 февраля 1922 года “О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих”. Через два месяца после выхода декрета, с 26 апреля по 7 мая пройдёт показательный судебный “Московский церковный процесс” (2).

Показательным он был не потому, что был образцовым, а потому, что давал пример для проведения таких же процессов в других городах. 9-го июня начнется Петроградский церковный процесс, в результате которого были приговорены к смерти десять человек.

И далее чёрная волна судов прокатится по всей стране и не успокоится даже чрез много лет. Только до июля 1922 года по стране открыто 230 судебных дел, в которых обвиняемыми числятся 700 человек (3).

Сколько пострадало людей в Советском Союзе в результате борьбы с религией, до сих пор точно не известно. Различные исследователи приводят разные цифры. Число пострадавших может насчитывать от пятисот тысяч до миллиона человек (4).

Советская власть использовала любые преимущества и поводы для того, чтобы полностью искоренить религиозные верования. Под видом помощи голодающим была проведена тотальная конфискация и разрушение церковных зданий. В 1922 году в письме к членам Политбюро Ленин писал: “Именно теперь и только теперь, когда в голодных местах едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и потому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией, не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления... если необходимо для осуществления известной политической цели пойти на ряд жестокостей, то надо осуществлять их самым энергичным образом и в самый короткий срок... поэтому я прихожу к безусловному выводу, что мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течении нескольких десятилетий” (5).

В это страшное время адвентистская церковь продолжает свой рост и становление. Общины регистрируются в государственных органах. Для признания общины, согласно законодательству, необходимо было собрать пятьдесят подписей. Регистрация стоила достаточно дорого. Для подтверждения списка в трех экземплярах райисполком взымал 150 рублей золотом. Оставаться без регистрационных документов означало обречь церковь на нелегальное положение. В этом случае запрещалось иметь молитвенный дом, и все, кто приходил на богослужения, подвергались опасности. Записать свою фамилию в церковный список и поставить подпись – значило в будущем обречь себя,

как минимум, на преследование, заключение, ссылку или даже смерть.

Верующие люди выбирали послушание законам той страны, в которой они жили и за которую молились. И эта страна, за которую они молились, будет посылать, согласно поданным спискам, по указанным адресам, активистов – школьных учителей – для проведения агитработы. А потом эта страна будет отбирать детей у верующих семей.

Как бы не поступали верующие, согласно государственным законам того времени или вопреки им, они в любом случае были обречены и приготовлены на заклятие. Для этого в 1922 году была образована специальная Антираелигиозная комиссия, целью которой было полное искоренение религии (6). Под обвинения известных 58 статьи Уголовного Кодекса РСФСР и 54 статьи УК УСФСР о контрреволюционной деятельности мог подпасть практически любой человек. Такое законодательство вынуждало людей быть подозрительными, идти на предательство, давать ложные показания, и все это не ради выгоды или ради каких-либо преимуществ. Люди вынуждены были идти на подлость только ради собственного выживания. Родители отрекались от детей, дети доносили на родителей. О таких доносах мы узнаем из материалов следствия: "Моя мать... Марфа Семеновна, в своем доме, нелегально принимает членов секты адвентистов, они поют псалмы, говорят о том, что скоро всему придет конец..." (7).

Давайте спросим себя, если в таких условиях проводились 5-й и 6-й съезды Церкви адвентистов седьмого дня, то имеем ли мы право осуждать руководителей и делегатов тех съездов за принятые ими решения? Легко сделать выбор из двух вариантов, когда один правильный, а другой нет.

Труднее принимать решение, когда все возможные варианты неправильные или неприемлемые. Это, например, как с тяжелобольным человеком. Чтобы ему помочь, необходимо ввести сильнодействующее лекарство, которое, в свою очередь, может нанести непоправимый вред его организму.

Когда власть взяла курс на полное уничтожение религии, любое решение съезда ничего бы не изменило. Вопрос был только во времени. Можем себе представить, что могло произойти, если бы на Шестом съезде было принято решение о военной службе вопреки рекомендациям властей. В таком случае церковь сразу же оказалась вне закона. Под уголовное преследование попали все верующие, внесенные в церковные списки, а также их дети и ближайшие родственники.

Для власти, от которой за годы репрессий пострадали миллионы человек, практически ничего не стоило перемолоть судьбы нескольких тысяч адвентистов. Для органов НКВД, которые только в одной области на протяжении месяца могли расстрелять несколько тысяч подозреваемых, это могло быть только очередным достижением (8). Такое количество адвентистов могло стать лишь каплей в море страданий целых народов.

Переживания и настроения верующих людей на самом деле были намного сложнее, нежели нам сегодня кажется. В связи с этим возникает вопрос: кто из руководителей или делегатов съезда имел право проголосовать или расписаться за судьбу других людей? Риск состоял не только в том, чтобы потерять организацию, но в том, чтобы подвергнуть смертельной опасности членов церкви. Каждая фамилия в церковном списке была поводом для ночного обыска и допроса. Имеет ли право один человек сделать выбор за другого и вследствие этого разлучить родителей с детьми, кого-то обречь на годы лагерей или на расстрел в глухом тюремном подвале? Нельзя сказать, что декларация была абсолютно правильной, но ее нельзя и полностью отвергать. На тот момент не существовало правильных решений, и принятое решение казалось наименьшим злом.

Сегодня мы не имеем право осуждать людей, живших в то время. Мы можем изучать уроки прошлого, делать выводы и молиться. “Молитесь, чтобы не случилось бегство ваше зимою или в субботу” (Матф. 24:20). Христос предлагает нам молиться за себя, чтобы нам не впасть в подобные испытания, а если и случится, то устоять. У каждого из нас достаточно собственных

ошибок, достойных нашего сожаления.

Нужно ли каяться за решения, принятые на 5-м и 6-м съездах? Церковь адвентистов уже публиковала свои обращения к реформационному движению. Я думаю, что для церкви не трудно это сделать ради объединения, примирения и спасения людей. Вопрос в том, будет ли принято такое обращение теми, кто так много об этом говорит. Люди, ищущие повода для разделения, всегда будут находить причину для критики и несогласия. Но те, кто живет в любви Христа, будут стремиться искать пути понимания и примирения, потому что так заповедал Христос: "По тому узнают все, что вы Мои ученики ..." (Ин. 13:35).

Мы верим и знаем, что верующие люди в тяжелые тридцатые и последующие годы не перестали быть верными Слову Божьему. Известно, что вскоре после окончания Шестого съезда ВСАСД в общины было разослано тайное письмо, в котором руководство церкви давало рекомендации верующим, как выживать в новых условиях.

О существовании такого письма мы знаем, например из материалов следственного дела Ф. Гайдишара, где подследственный дает показания, что "на 5-м и 6-м Всесоюзных съездах адвентистов в целях легализации своего существования были внесены решения, якобы призывающие участников адвентистских организаций к службе в Красной Армии, а в действительности вели агитационную деятельность среди населения и призывали всех участников организации не брать оружия в руки, а через некоторое время после этого, за подписью члена Всесоюзного совета адвентистов Вильсона, были разосланы нелегальные указания о невыходе на работу в субботние дни" (9). Существование письма также объясняет то, что адвентисты, даже находясь в лагерях, отказывались нарушать субботу.

Из следственных материалов по тому же делу мы на примере адвентиста Иосифа Иванова, расстрелянного 13 июля 1941 года по обвинению в "контрреволюционной деятельности", узнаем об отношении церкви к вопросу о применении оружия: "Во время

беседы Иванов Иосиф не соглашался с тем, что капиталист является врагом рабочего класса, доказывая, что люди все равны, и врагов нет. 30-го января в мастерской КЕЧИ говорил: “Со злом необходимо бороться без оружия, винтовку в руки брать нельзя, т.к. она истребляет человека. Мы должны со злом бороться без насилия”.

Невозможно в одной статье перечислить все документы, которые проливают свет на решения, принятые на 5-м и 6-м съездах. Но хотя свидетельств о том, какие это были времена, более чем достаточно, важно другое... Кто мы, осуждающие наших предшественников? Обвинители, ищущие повода для вражды, или же наше сердце руководствуется духом любви, стремлением понять и принять? На самом деле наши мотивы красноречиво говорят о том, насколько наш характер соответствует характеру Христа. Хриstopодобный характер намного важнее для Бога, чем выяснение неправоты руководителей того времени, потому что это вопрос нашего спасения.

Непоколебимость в испытаниях, проявленная в то нелегкое время, является для нас красноречивым свидетельством того, что адвентисты оставались верными Богу. Из Священной истории мы знаем, что народ Божий в своей жизни мог допускать ошибки, как это было с Моисеем в Хориве, когда он проявил нетерпение, с пророком Илией, когда тот испугался Иезавели, с Апостолами, которые соперничали друг с другом. Конечно, ошибки не могут быть оправданием для наших грехов. Но мы знаем, что если человек исповедует и оставляет грех, то этот горький опыт может обратиться в благословение. История адвентистской Церкви говорит нам, что Бог учит нас доверию Ему и продолжает обильно благословлять.

1 Материалы съезда, отчет Пятого Всесоюзного съезда адвентистов седьмого дня (Юбилейный). Издание Всесоюзного совета адвентистов седьмого дня. – Москва, Конюшковская, 29.

2 Александр Солженицын. Архипелаг ГУЛаг. 1989г. 1280 стр. г. Том 1 (части 1-я Глава 9. Закон мужает).

3 Православная энциклопедия. Под редакцией Кирилла. Статья “Изъятие церковных ценностей”. Автор: Коллектив. Издательство: церковно-научный центр “Православная Энциклопедия”, 2000-2012 г. 688 стр.

4 Емельянов Н.Е. РАН, ПСТБИ, Москва. Доклад на 6 Ежегодной Богословской Конференции в январе 1996г.

5 А.Г.Латышев Рассекреченный Ленин – 1-е Москва 1996 г. 336 с. 15000 экз.

6 Е.Зайцев. История Церкви АСД. Заокский: “Источник жизни”, 2008. 544 с. (Стр. 335-336)

7 Материалы уголовного дела Гайдишара Ф.А. № 10174 1941г. Кировоградский судебный архив.

8 Там же.

9 Там же.

Николай Натёс.

Альфа и Омега. №45 (3/2015)

Источник: dk.adventist.ua